

Глубокой зимой, на закате.

Снега не было, но стоял страшный мороз.

Далеко за горизонтом силу теплого солнца уже смело северным ветром, не оставив и следа. Все, кто мог, торопились вернуться домой, в накопленное скудное тепло за плотно закрытой дверью.

Хозяин Ли спрятал руки в рукава и посмотрел на пустой тракт.

Пустынной была не только дорога, но и постоялый двор. Несколько дней назад здесь сновали люди, которые прибыли на празднование в честь дня рождения в семью Бай. Наверное поэтому здесь почти нет гостей, по крайней мере он никого не видел. Единственный посетитель сидел у огня с опущенной головой, потирая руки.

Сейчас холодно, желающих выйти из дома немного, вряд ли стоит еще кого-то ждать.

Неподалеку раздался приближающийся топот копыт, и это в такое-то время.

— Эй! У нас гость! — бодро крикнул слуга.

Хозяин Ли вытянул шею, выглядывая наружу.

Конь несся быстрее ветра. Два человека, сидящие на нем, действительно остановились перед постоялым двором. Девушка, с красными от мороза щеками, жизнерадостно спросила:

— Эй, ты знаешь как добраться до дома Бай?

— Девушка хочет поздравить с днем рождения господина семьи Бай?

— Ага, так куда нам?

— Вперед, потом налево. Через три ли будет граница их семьи. Через час езды девушка увидит двор Бай.

— Еще целый час? А эта семья Бай живет на широкую ногу! — сказала она со смехом, обернувшись к мужчине позади нее. — Шисюн, ты так не думаешь?

Чжоу Жувэнь улыбнулся.

В этом году ему только исполнилось двадцать. Черты правильного лица создавали у людей чувство спокойствия. Он был наиболее выдающимся учеником школы Хушань, и также хорошим зятем в глазах своего учителя, за которого можно было просватать любимую дочь. Он посмотрел на шимей Фан Нихон, которую согласились отдать ему учитель и его жена, показывая любящую улыбку:

— Шимей, семья Бай — одна из четырех великих семей в Цзянху. К тому же мы специально прибыли поздравить с днем рождения, по-моему стоит говорить чуть более уважительно.

— Пф, Фэн, Бай, Сыма, и Сюй. В последнее время у семьи Бай не было сильного молодого поколения. Если говорить о влиянии в Цзянху, семья Бай оказалась в самом хвосте.

Чжоу Жувэнь со вздохом покачал головой:

— Шимей...

— Это слова моего отца, — сладко улыбнулась Фан Нихон и показала ему язык. — Шисюн, я знаю меру, и не буду так говорить дедушке Баю.

— Еще не поздно, поехали скорее! У старшего Бая пятидесятилетний юбилей, большинство людей Улинь прибыли еще два дня назад! Завтра первый день первого месяца, а мы прибыли только сегодня, боюсь, это уже слишком невежливо.

— Чего ты боишься? К тому же мы не опоздали. Разве плохо поздравить с днем рождения заранее? — ответила Фан Нихон, вынула кусочек серебра и бросила его хозяину Ли. Пришпорив коня, они только собирались рвануть вперед, как неожиданно раздался посторонний голос.

— Задержитесь, пожалуйста.

Ласковый мужской голос всего парой слов проник в слуховые нервы сидящих на лошади людей. Плавный ритм будто раздвинул холодный застывший воздух, заставив двоих людей одновременно повернуть головы.

Единственный гость постоянного двора, изначально тихо сидевший у огня, неизвестно когда успел выйти за дверь.

Черная одежда, темные волосы, черная плотная обувь — все это одежда простого ученого.

— Да? — откликнулась Фан Нихон. Встретившись взглядом с очаровательными глазами, ее сердце вдруг подпрыгнуло и сильно забилось.

Эти глаза были слишком прекрасными, слишком безмятежными, и слишком бездонными. Казалось, пока смотришь, в душе рождаются бесконечные слова, которые так и хотелось высказать, но они застревали в горле, не выходя наружу.

После второго взгляда она поняла, что его нельзя назвать просто "красивым". В дверях стоял прекрасный мужчина, красивее всех, которых она когда-либо видала.

Очаровательные брови, прямой нос, поразительные губы, и благовоспитанная улыбка.

— Позвольте узнать, молодой господин, почему вы попросили нас остановиться? — прежде легкомысленная, Фан Нихон вдруг стала очень вежливой.

Ласковая улыбка растянула губы, человек в черном спокойно сложил руки в знак приветствия:

— Разрешите узнать, эта девушка и молодой господин действительно направляются в дом семьи Бай?

— Верно, — ответил Чжоу Жувэнь. — Мы едем поздравить старшего Бая по просьбе учителя.

— В таком случае, могу я присоединиться к вам? — снова спросил человек в черном. — Я тоже направляюсь в дом Бай.

— Вы? — Фан Нихон не мигая смотрела на него. — У вас нет лошади?

— Я думал дойти пешком, но неожиданно подул ветер и идти стало трудно...

— Вы тоже направляетесь на праздник?

— Именно так.

Чжоу Жувэнь посмотрел на шимей, которая похоже была немного не в себе и снова перевел взгляд на мужчину.

Красивый и безмятежный, вежливый и скромный...

Чжоу Жувэнь хохотнул:

— У нас появился попутчик. Я старший ученик Хуашань, Чжоу Жувэнь, а это моя шимей Нихон. Позвольте узнать ваше имя, уважаемый брат?

— Я Бай Шаоцин, — его голос привлекал внимание, каждый звук вызывал приятное чувство.

Взгляд Фан Нихон упал на Бай Шаоцина и она слабо выдохнула:

— Бай? Ваша фамилия Бай? Вы из семьи Бай?

Похоже этот вопрос поставил Бай Шаоцина в неловкое положение. Поколебавшись мгновение, он горько усмехнулся:

— Стыдно сказать, Шаоцин — самый никчемный третий сын семьи Бай.

— О, так это третий молодой господин семьи Бай! В таком случае, пожалуйста, едем с нами! — на лице Чжоу Жувэня отразилось облегчение. — Шимей, уже поздно, нам пора отправляться.

— Хорошо!

— Большое спасибо, Чжоу-сюн.

Три человека, двое верхом, подняли целое облако желтой пыли.

Хозяин Ли, стоя в дверях, пробормотал себе под нос:

— Не ослеп ли я? Так он третий молодой господин семьи Бай. Я же говорил, хоть он и одет в потрепанную одежду, его внешность редкой красоты. Если бы он подал голос, когда вошел, я бы сразу обратил внимание. Эх, упустил хорошую возможность поклониться.

Он не переставал колотить себя по голове.

Пока они мчались по дороге, Фан Нихон постоянно оглядывалась на шисюна и Бай Шаоцина, и сердце ее колотилось все чаще.

Бай Шаоцин не очень аккуратно спрыгнул с лошади:

— Премного благодарен, Чжоу-сюн.

— Мне было нетрудно, — Чжоу Жувэнь с улыбкой поклонился и повернулся, чтобы посмотреть на известный по всей Цзянху дом семьи Бай.

Среди четырех крупных семей Цзянху, семья Бай — самая богатая. Не говоря о землях, тянущихся на сотни ли, дом, построенный на берегу озера Ло Си и два льва из цельного чистого золота, с драгоценными камнями в глазах, уже могли все объяснить.

Слуга семьи Бай, ответственный за прием гостей, сразу же вышел навстречу:

— Хе-хе! Уважаемый гость прибыл. Молодой господин, барышня, позвольте узнать ваши имена? Младший пойдет доложит господину.

Он улыбался во всю ширь, но похоже совершенно не узнал Бай Шаоцина, стоящего сбоку.

— Я Чжоу Жувэнь из Хуашань. Мой учитель внезапно заболел и не смог приехать. Поэтому он попросил меня и шимей Фан Нихон приехать поздравить с днем рождения старшего Бая.

Слуга семьи Бай был любезен, он явно прошел хорошую подготовку.

— Так это герой из школы Хуашань, пожалуйста, прошу. Комнаты для школы Хуашань уже подготовлены, — любезно улыбнувшись им, он повернулся и пошел вперед, указывая дорогу.

— А как же вы? — небрежно спросила Фан Нихон, даже не двинувшись с места.

Бай Шаоцин слегка приподнял красивой формы губы:

— Шаоцин пойдет вперед, навестить мать. Дева Фан, берегите себя.

Увидев, что Бай Шаоцин спокойно отворачивается, без малейшего сожаления, Фан Нихон вдруг поджала губы:

— Подождите, я...

— Дева Фан останется здесь на несколько дней? — Бай Шаоцин остановился. От его прямой спины исходило чувство спокойствия. — Тогда я... обязательно приду, поблагодарить за доброту.

Фан Нихон сразу же улыбнулась, и сказала счастливо и смущенно:

— Правда?

Поглядев на внушительную спину Бай Шаоцина, она не удержалась и спросила:

— Как вы хотите поблагодарить меня?

— Как насчет того, чтобы поужинать? — в его словах слышалось легкое подшучивание, но без излишней легкомысленности.

Бай Шаоцин ушел, а его мягкий смех остался в ушах Фан Нихон.

Чжоу Жувэнь развернулся и обнаружил, что его шимей все еще стоит на месте с глупым видом.

— Шимей, ты не собираешься идти?

Проследив за ее взглядом, он прикинулся непонимающим и спросил:

— Третий молодой господин Бай ушел?

— М? Он сказал, что ему нужно навестить мать, — расстроено произнесла Фан Нихон.

— Идем! Тот старший брат все еще ждет, чтобы отвести нас в комнаты передохнуть! Старший Бай сегодня занят, нанесем ему визит завтра.

— Угу.

В усадьбе повсюду располагались павильоны и террасы. Следуя по галереям, два человека шли за слугой меньше половины большого часа, прежде чем прибыли в изящный домик, подготовленный специально для них.

Лицемерие подобного богатства, пусть Фан Нихон и была дочерью Цзянху, заставило ее почувствовать себя в другом мире. Разнообразные прелестные клетки для птиц, висящие в галереях, вызывали у нее улыбку, не сходящую с лица.

— Шисюн, посмотри скорее, что это?

Чжоу Жувэнь посмотрел на свою взволнованную шимей и улыбнулся краешком губ:

— Шимей, подойди, шисюн скажет тебе пару слов.

Фан Нихон бросила камень, напугав стайку красно-белых карпов в пруду, и подняла голову, отбросив длинные косы:

— Что такое?

— Тот Бай Шаоцин, давай поменьше с ним контактировать.

Фан Нихон остолбенела:

— Почему?

— Его... Его происхождение не очень хорошее.

— Почему происхождение молодого господина семьи Бай нехорошее? — сильно удивилась Фан Нихон.

— Так говорят в Улинь, ты разве не знаешь? — Чжоу Жувэнь решительно уселся в галерею и опустил рукава. — Иди сюда, шисюн тебе расскажет.

— Говори быстрее!

— Истинный глава семьи Бай — Бай Можань... Это история любви между дедушкой Баем, которого мы и прибыли поздравить с днем рождения, и госпожой Бай, которая в то время была первой красавицей в Улинь. Но история эта потрясает небо и землю...

Фан Нихон скривилась и махнула рукой:

— Это все старая песня, давай что-нибудь поновее! Я слышала, как отец рассказывал, что Бай Можань однажды наткнулся на вражескую засаду. Сун Сянли пожертвовала собой, чтобы спасти его, ее нога была изрезана, и она стала хромой, из-за чего пострадал ее образ первой красавицы Улинь. Бай Можань у ее постели поклялся никогда не оставлять Сун Сянли, и он действительно женился на ней, и неизменно, в течение десятков лет, заботливо ухаживал. Внимательный и предусмотрительный во всем, его можно назвать первым благородным мужем во всей Улинь.

— Ха-ха! Ты все знаешь? — Чжоу Жувэнь поднял руки. — Тогда я спрошу тебя, кто родил Бай Шаоцина? Это ты знаешь?

— Это... Неужели не Сун Сянли?

— Ну что? Запуталась? — Чжоу Жувэнь кивнул. — На самом деле нет. Кто в Цзянху не знает, что у госпожи Бай всего два сына: старший Бай Шаосинь и второй — Бай Шаоли. Этот третий молодой господин, на самом деле сын, рожденный слепой из глухих гор от Бай Можаня.

Фан Нихон нахмурилась.

— Разве это не делает Бай Можаня изменником?

— Как сказать, — Чжоу Жувэнь покачал головой. — Сун Сянли родила от Бай Можаня двоих сыновей, а через несколько лет он снова напоролся на засаду. Его скинули со скалы, и он чуть не стал обедом для тигров и леопардов, но в горах его спасла бедная слепая сирота. Одинокий

мужчина и незамужняя женщина день и ночь наедине. Уж не знаю, что там могло случиться. Во всяком случае, когда семья Бай нашла Бай Можаня, женщина уже была беременна.

— Айя! Сун Сянли наверняка сильно разозлилась.

— Да что там. Послушай, что сказал учитель... — Чжоу Жувэнь понизил голос и на зашептал ей на ухо: — Сун Сянли, убитая горем, несколько раз пыталась покончить с собой, но каждый раз ее останавливали домашние. Тогда еще был жив старый хозяин Бай. Он категорически не согласился, чтобы потомок семьи Бай бедствовал на чужбине вне дома. Бай Можань предстал перед обиженной любимой женой, но ему пришлось все еще заботиться о своей репутации. После долгих скандалов, он уговорил Сун Сянли впустить в дом третьего сына, рассчитывая только на себя. В благодарность за его спасение, слепая женщина тоже была принята в доме и жила под видом дальней родственницы. На этом дело и кончилось.

Выпалив все это на одном дыхании, он продолжал говорить:

— Поэтому Бай Шаоцин в семье Бай не пользовался уважением. Все знали, что он незаконнорожденный сын. Ты не заметила выражения лица слуги? Кроме того, когда он спешил, его нижняя часть тела была ослабленной. Боюсь, дедушка Бай не передал ему боевое искусство семьи. Шимей, мы находимся на чужой земле, не стоит нарушать хозяйские правила.

Фан Нихон расплела свои косы и снова расчесала, слушая Чжоу Жувэня. Уложив волосы, она заплела их в легкий пучок и хмыкнула:

— Какое мне дело до их запретов? Даже если Бай Шаоцин не родной сын госпожи Бай, он все равно из семьи Бай. Почему я не могу с ним общаться? Пф, я хочу, чтобы он угостил меня обедом!

Подумав о рожах других людей, разговаривающих с Бай Шаоцином, она огорчилась и заявила прямо в лоб Чжоу Жувэню:

— Шисюн, ты тоже такой же сноб? Если ты презираешь его, я больше не буду с тобой разговаривать!

Сказав так, она с болью в сердце поднялась на ноги.

Неизвестно когда узы любви уже опутали ее сердце, а такое трудно вынести.

В глубине усадьбы Бай атмосфера еще холоднее.

Заходящее солнце уже ушло, и этот уголок, куда мало кто захотел бы прийти, казался более холодным и одиноким, чем какой бы то ни было. Несколько слуг как раз прибирали цветник.

Подняв головы, они увидели проходящий мимо силуэт, и глаза их сверкнули восхищением и досадой.

Приветливый и мягкий, невозмутимый, прекрасный... Третий молодой господин.

Все восхищение и досада промелькнули во мгновение ока. Слуга очень быстро вспомнил свое место и низко опустил голову, сосредоточившись на своей работе.

Считая от главных ворот усадьбы, это уже сто двенадцатые.

Взгляд Бай Шаоцина оставался неизменным. Он нежно смотрел на дом перед ним, который был таким низеньким, что ему вообще не следовало появляться в такой богатой усадьбе, как дом Бай. Уголки его губ скривились в холодной усмешке.

Сто двенадцатый слуга, который прекрасно его видит, но делает вид, что его не существует.

Игнорирование третьего молодого господина уже давно стало негласным правилом дома Бай. Бай Шаоцин помнил, как несколько младших слуг, что лежали на окне и звали его поиграть, были безжалостно изгнаны из усадьбы.

Некоторое время потирая тонкими пальцами такую знакомую и в то же время незнакомую дверь, Бай Шаоцин тяжело вздохнул.

Дни шли, звезды перемещались, листва давно опала с деревьев, минул уже год.

Распахнув скрипучую деревянную дверь, в комнате у окна он заметил одинокую фигуру.

Эта фигура некрасива, в грубой одежде, и прическа без украшений. Даже глядя со спины, можно было догадаться, что и лицо у нее самое простое.

В дрожащем свете свечи, она казалась еще более одинокой.

Из-за этого нежного одиночества на губах Бай Шаоцина появилась редкая искренняя улыбка.

— Мама, ребенок вернулся, — он приблизился и мягко опустился на колени перед женщиной. Подняв голову, он взглянул в лицо, которое сильно постарело за эти годы.

Женщина улыбнулась и наклонила голову. Свет свечи оставил красный отблеск на ее обыкновенном лице.

— Шаоцин, ты вернулся? Завтра у твоего отца пятидесятилетний юбилей, мне нужно было

догадаться, что ты сегодня придешь. Смотри, мама ждала тебя со светом.

Даже если ее глаза ничего не видели, рука безошибочно указала в направлении пламени свечи.

Теплый поток сдавил горло.

— Спасибо, мама.

— Дурачок, мама ничего тебе не дала! — нащупав и схватив руку Бай Шаоцина, женщина вздохнула. — Ты хлебнул горя.

— Нет.

— Не скрывай это от меня. Прикосновение слепого самое сильное. Только коснувшись твоей руки, я поняла, что ты занимался тяжелой работой.

Бай Шаоцин рассмеялся:

— Мама, не подумай плохого, я просто помогал учителю носить воду и колоть дрова. Я же ученик, это пустяки.

— Шаоцин, на сей раз ты вернулся или тебе придется покинуть дом, чтобы вернуться к учебе?

На мгновение воцарилась тишина.

— Мама, если тебе одиноко, Шаоцин не уйдет, останется с мамой, — небрежно сказал Бай Шаоцин.

— Нет, — женщина сконфуженно рассмеялась. — Посмотри на меня. Настоящие мужчины стремятся на все стороны света. Как я могу удерживать тебя.

После короткого молчание, ее спокойное дыхание нарушилось. Женщина вдруг тяжело вздохнула:

— О чем мы болтаем? Здесь нет чужих, к чему врать? Шаоцин, я знаю, что они плохо с тобой обращаются. Мама не хочет, чтобы ты оставался в семье Бай и страдал.

— Мам! — внезапно крикнул Бай Шаоцин, жар подступил к его глазам. — Шаоцин обязательно добьётся успеха и вытащит маму из этой преисподней фамилии Бай.

— Да, мама подождет.

Сгустились сумерки. В маленьком домике, за окном, затянутом сеткой, можно было разглядеть две близкие фигуры.

Огонь свечи такой тусклый. А что насчет человеческого сердца?

Сначала он хотел дождаться, когда мать уснет, а после уйти к себе в комнату, но в итоге всю ночь простоял у кровати, глядя в хорошо знакомое лицо.

Мам, после дня рождения я снова уйду.

Обычно все печали прячутся на дне души, а теперь иглой засели в сердце.

В первый день после возвращения он повидал маму. Сегодня надо навестить отца и другую "мать", а также двух старших братьев. Выразив свое почтение отцу, все приличия будут соблюдены и можно сразу же уходить!

Бай Шаоцин задумался. Если он задержится, то может навлечь на себя недовольство других людей и доставить матери неприятности.

Он поднял голову и хотел глубоко вздохнуть, но вдруг вспомнил, что мама спит, и поспешно сглотнул.

Небо за окном посветлело. Прошлой ночью он положил в чай немного успокоительного, чтобы матушка не заметила его ухода.

Как только уйду, боюсь, пройдет еще год.

Деревянная дверь снова скрипнула и отворилась, солнечный свет хлынул внутрь. Бай Шаоцин вернул свое прежнее безразличие и вышел из дома.

Главный дом семьи Бай находился далеко отсюда. Бай Шаоцин медленно шел, по дороге постоянно натываясь на воодушевленных праздником гостей.

Удивленные и восхищенные взгляды, смешанные с ревностью, перемещались с его лица на стройную шею, более изящную и прелестную, чем женские пальцы.

— Молодой господин Бай! — сзади долетел звонкий крик, и к нему бросилась розовая фигура.
— Молодой господин Бай собирается поздравить с днем рождения дедушку Бая?

Увидев легкий кивок Бай Шаоцина, Фан Нихон рассмеялась.

— Мы с шисюном как раз хотели попросить вас показать дорогу. Шисюн, скорее! — повернув взволнованное раскрасневшееся лицо к намеренно мешкавшему Чжао Жувэню, она закричала.

— Угу, понял, — Чжоу Жувэнь мрачно вздохнул. Ему пришлось подойти к Бай Шаоцину с дружелюбной улыбкой. — Бай-сюн, ты рано.

Бай Шаоцин не улыбнулся, но в глазах его притаилась смешинка.

— Совсем нет.

Тот, кто увидит этот дружелюбный взгляд, не мог не почувствовать дружеского расположения.

Три человека вместе пошли вперед по дороге.

Они еще не успели достигнуть главного зала, как музыка и песни полились в уши. Даже не нужно было заходить внутрь, чтобы понять, насколько там оживленно и шумно.

Фан Нихон прищелкнула языком:

— Как много гостей.

— Имя дедушки Бая известно по всему Цзянху. В день рождения, конечно же, многие люди, которые уважают дедушку Бая, приедут его поздравить, — Чжоу Жувэнь посмотрел на Бай Шаоцина, стоящего рядом с ним, и намеренно похвалил семью Бай.

Бай Шаоцин равнодушно посмотрел на него и усмехнулся:

— Чжоу-сюн прибыл издалека, чтобы поздравить отца с днем рождения. Шаоцин бесконечно признателен.

— Не стоит, не стоит.

Звуки музыкальных инструментов, голоса гостей, обменивающихся приветствиями, топот шагов снующих повсюду слуг, да еще голоса театральной группы, готовящейся к представлению в честь дня рождения за пределами зала. Чем ближе они подходили, тем оглушительнее становились звуки.

Такой веселый праздник в честь дня рождения, может считаться редким событием в Улинь в этом году.

Только трое людей собирались шагнуть в зал, как голоса стихли.

Замерли звуки музыкальных инструментов, человеческих голосов, топот шагов, и даже кашля не было слышно.

Совершенно неожиданно наступила тишина.

Чжоу Жувэнь и Фан Нихон недоуменно посмотрели друг на друга и уже собирались одновременно задать вопрос. Но не успели они открыть рты, как услышали громкий удивленный смех:

— Прошу! Ну же, прошу!

Эти слова будто сняли заклинание тишины, внезапно вспыхнули оживленные разговоры, вернулись звуки музыкальных инструментов, и еще сильнее загалдели слуги..

Несколько сотен важных гостей, высоких, толстых и худых, из всех школ, вдруг хлынули наружу в сопровождении краснолицего дедушки Бая.

— Кто это такой серьезный, что сам хозяин лично вышел его приветствовать?

Чжоу Жувэнь опустил голову, подумал немного, и уголки его губ приподнялись в улыбке.

— Таким важным может быть только один человек во всем Цзянху — Фэн Лун.

— Старший господин семьи Фэн? — Фан Нихон тайком взглянула на молчаливого Бай Шаоцина и презрительно произнесла: — Больше всего презираю избалованных детишек, что пользуются репутацией своих семей.

Пока они говорили, на дороге, вымощенной плоскими камнями, снова закипели голоса. Избалованный сын богатой семьи, презираемый Фан Нихон, оказался в окружении.

Темная одежда, голубой платок, изумрудно-зеленый меч — это Фэн Лун.

Черные волосы, сияющие глаза, стройные и сильные руки, легонько сжимающие рукоять известного на весь мир изумрудного меча.

Фан Нихон, только что презиравшая его простецкое имя и чрезмерную важность, теперь не могла и слова вымолвить.

Только из-за слова "дракон", если не позволить другим использовать его, то никто и не будет.

Если он не задается, то кто тогда задается?

Он скромн, и знаменитое имя скрыто, но облик дракона и тигра не спрятать.

— У ничтожного Бая день рождения, как ты можешь работать, молодой господин Фэн? — лицо дедушки Бая озарилось улыбкой.

— Фэн, Бай, Сыма, и Сюй были хорошими друзьями из поколения в поколение. У дяди день рождения, разумеется, я должен был лично прийти поздравить.

Что бы там не говорили, но кто из семей обладает таким выдающимся талантом, чтобы всего за несколько лет, с изумрудным мечом в руке, стать легендой Цзянху. Конечно, только семья Фэн.

Стоя позади отца, два героических молодых господина семьи Бай, глядя в глаза Фэн Луна, испытывали зависть и ревность.

Фэн Лун окинул взглядом главный зал, медленно сел в кресло, взял у слуги почтительно поданный ароматный чай, и сделал маленький глоток. Каждое его движение было идеальным и безупречным.

Какое счастье, что в семье Фэн есть такой сын.

Дорогие читатели, если вас заинтересовало произведение, оставляйте комментарии и ставьте лайки.

<http://bllate.org/book/15169/1340532>